

Журнальное обозрѣніе.

„Русская Мысль“, ноябрь; „Вѣстникъ Европы“, ноябрь.

Настоящее обозрѣніе мы посвятимъ „глухимъ мѣстамъ“. Впрочемъ, слѣдуетъ заранѣе оговориться: выраженіе „глухое мѣсто“, въ русскомъ строѣ жизни, очень растяжимо,—и Хабаровка есть глухое мѣсто, и какая-нибудь станица Оренбургской губерніи—тоже глухое мѣсто, да и Саратовъ съ Астраханью, прославившіе себя нынче своею „шмарой“,—безъ сомнѣнія, тоже глухія мѣста; не даромъ еще Фамусовъ грозился сослать свою дочь „въ глушь, въ Саратовъ“. Такимъ образомъ понятіе это можетъ быть чрезвычайно обширно, и во всякомъ случаѣ мѣстность здѣсь играетъ неважную роль; тутъ больше имѣетъ значеніе тотъ укладъ жизни, какой присущъ глухому мѣсту съ его „униженными и оскорбленными“. А когда поближе взглядишь въ этотъ укладъ, то сами собой являются назойливые вопросы: зачѣмъ, почему, какимъ образомъ? Но, впрочемъ, мы до этихъ вопросовъ и не дойдемъ, а ограничимся только передачей содержанія нѣкоторыхъ статей изъ послѣднихъ книгъ указанныхъ выше журналовъ.

Въ ноябрьской книгѣ „Русской Мысли“ имѣется рассказъ А. П. Чехова „Палата № 6“. Уже самое названіе показываетъ, что главное мѣсто дѣйствія—больница, потому что съ-издавна ведется обыкновеніе называть палатами, съ обозначеніемъ №, больничныя комнаты. Чтобы добраться до палаты № 6, нужно пройти къ больничному флигелю по тропинкѣ, поросшей крапивою. Въ сѣняхъ навалены цѣлыя горы всякаго хлама—матрацы, старые халаты, истасканная обувь и пр. На хламѣ съ трубкой во рту лежитъ сторожъ Никита; это—простодушный, исполнительный и тупой человѣкъ; онъ любитъ порядокъ и потому бѣетъ тѣхъ, кто лежитъ въ палатѣ № 6; онъ бѣетъ по лицу, по груди, по спинѣ, по чему попало... Наконецъ, въ самой палатѣ лежатъ въ синихъ халатахъ, колпакахъ больные—сумасшедшіе. Достаточно этихъ бѣглыхъ штриховъ, чтобы понять, что предъ нами очень „глухое мѣсто“; эта крапива у тропинки, этотъ хламъ въ сѣняхъ, этотъ по своему любящій порядокъ стражъ—все указываетъ на то, что авторъ хочетъ затронуть такое мѣсто, куда не проникаетъ лучъ свѣта, гдѣ поступки людей и ихъ взаимныя отношенія могутъ быть основаны на началахъ безправія, присущаго „глухимъ мѣстамъ“. При ходѣ рассказа мы узнаемъ характеристику больныхъ этой палаты, служащаго здѣсь персонала, исторію этого учрежденія, а затѣмъ и тѣ факты, которые являются результатомъ такою запущенія. Собственно, какъ заросталъ дворъ крапивою, какъ накоплялся хламъ въ сѣняхъ—легко себѣ представить: немножко философіи, побольше халатности, равнодушіе къ окружающему, тепленькое мѣсто для себя, и все устроится какъ слѣдуетъ, т. е. все покроется такой плѣсенью, которую потомъ и не своротить. А рядомъ съ этимъ, человеческое достоинство, то „я“, которое облечено извѣстными обязанностями и правами, постепенно сгладится, болото получится вполне сформированное и надъ нимъ будетъ царить бездушная форма въ образѣ Никиты, своими кулаками усмиряющаго послѣдніе попытки къ протесту. Въ этой болотной атмосферѣ и разыгрывается драма, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является старшій докторъ Андрей Ефимовичъ—главный виновникъ этой запущенности. Двадцать лѣтъ служить здѣсь Андрей Ефимовичъ, но, благодаря философскому складу ума,

онъ почти совсѣмъ не вмѣшивается въ ходъ больничнаго дѣла и хозяйства, предоставляя все на волю Божію. Конечно, его приближенные—фельдшеръ и смотритель—пользуются этимъ, и порядокъ, какой наблюдается въ больницѣ, заведенъ по ихъ вкусу. Андрей Ефимовичъ на все махнулъ рукой и больше всего проводитъ время за книгой дома, на удобномъ и мягкомъ креслѣ. Какъ-то разъ онъ „случайно“ зашелъ въ палату № 6 и познакомился съ больнымъ, страдающимъ маніей преслѣдованія: его разговоръ на разныя философскія темы такъ понравился Андрею Ефимовичу, что онъ каждый день сталъ посѣщать больного, не для того, чтобы лѣчить, а только пофилософствовать съ нимъ. Такое поведеніе доктора однако было истолковано на особый манеръ, всѣ окружающіе стали держаться того мнѣнія, что онъ „сдrefиль“, какъ выразился его молодой коллега. Благодаря тому, что Андрей Ефимовичъ не оказалъ никакого активнаго противо-дѣйствія распространившимся про него слухамъ, а продолжалъ безобидно философствовать, его признали официально душевно-больнымъ и отказали отъ службы. Дѣло кончилось тѣмъ, что Андрея Ефимовича посадили самого въ палату № 6, а когда онъ вмѣстѣ съ маніакомъ сталъ кричать и проситься на волю, то тотъ-же Никита побилъ его кулакомъ по лицу, послѣ чего у него сдѣлался апоплексическій ударъ, отъ котораго онъ и скончался. Слѣдуетъ отдать справедливость Чехову, онъ мастерски изобразилъ въ своемъ небольшомъ разсказѣ это болотное царство.

~~А вотъ еще одна картина изъ жизни этого болотнаго царства.~~